

Е Сяююань вдруг всё понял: он осознал, почему Маленький принц так спокойно принял всё происходящее.

Мальчик больше не питал надежд в отношении императора. Его сердце больше не ждало любви от отца.

Цюй Дубянь плакал лишь вчера ночью, а проснувшись, несмотря на слабость и дурноту, старался вести себя как обычно — и всё лишь для того, чтобы не волновать своего верного слугу. От этой мысли у Сяююаня болезненно сжалось сердце.

Слишком послушные дети часто остаются в тени. О них забывают, их чувствами пренебрегают, в то время как капризные и шумные неизменно притягивают к себе все взгляды.

А Цюй Дубянь тем временем продолжал мастерски вонзать «мягкие иглы» в самое сердце своего высокопоставленного родителя.

— Мы со Спутником Е уйдём, как только я закончу обедать, — негромко проговорил он.

Дубянь прекрасно знал, как поддеть императора — человека властного, привыкшего к безусловному подчинению, но при этом терзаемого виной и суеверным страхом перед пророчеством. В теле двухлетнего ребёнка он владел искусством манипуляции лучше любого царедворца.

Слова мальчика подействовали на императора Чунчжао подобно удару под дых. В груди государя разлилась глухая, тягучая досада.

Едва уснув, этот ребёнок льнул к нему, не желая отпустить ни на миг, но, проснувшись, стал к нему холоднее, чем к обычному евнуху. Этот контраст ранил императора, а тот кроткий, избегающий взгляд, которым сын теперь на него смотрел, ощущался как заноза в душе.

Евнух Юй, стоявший поодаль, тоже невольно прижал руку к груди.

«Его Высочество... он и впрямь умеет бить в самое больное место»

— Ваше Величество, — робко вмешался Е Сяююань, — Маленький принц только что пришёл в себя, он ещё слаб... Поверьте, Его Высочество очень рад вас видеть.

Император Чунчжао опустил на край кана напротив сына. Его рука, покоившаяся на колене, произвольно принялась вращать нефритовый перстень на большом пальце. Они сидели друг против друга — могучий тигр и крохотный котёнок.

— Дворец Цзюйань не подходит для выздоровления, — веско произнёс император. — Пока не поправишься, будешь жить здесь. Никаких переездов.

Ушки Цюй Дубяня дрогнули, он вскинул голову, словно чуткий зверёк, не ожидавший такой милости.

— А когда я поправлюсь? Куда я пойду? — он на мгновение замялся. — Можно... можно мне вернуться в Цзюйань? — Ребёнок выставил мизинец и робко взглянул на отца. — Мне нужно совсем немножко еды, я быстро наедаюсь.

Голос императора Чунчжао невольно смягчился:

— В Цзюйань ты больше не вернёшься. В загородный дворец — тоже. Ты останешься в императорском дворце, Я сам подберу тебе достойные покои. И не заботься о еде — Мы не дадим тебе голодать.

Окружающие и не догадывались, о чём думает государь, но евнух Юй внутренне ахнул. Кажется, император окончательно решил посмертно возвести наложницу Юнь в ранг императрицы. Когда эта весть разлетится по дворцу, и в гареме, и при совете министров поднимется невообразимая буря.

На губах Цюй Дубяня остался след от жирного бульона. Император Чунчжао, немного помедлив, протянул руку и осторожно стёр каплю большим пальцем.

В этот миг в нос мальчику ударил едва уловимый, но отчётливый запах крови. Лицо Дубяня мгновенно побледнело, он резко отвернулся и зашёлся в сухом, мучительном кашле, который быстро перерос в рвотные позывы.

— Ваше Высочество?!

Дубяня вырвало желчью.

Его план — остаться во дворце — сработал, и он честно хотел проявить к «папаше» немного дружелюбия, но... тело не слушалось. Тени прошлой жизни преследовали его и в этом воплощении.

К горлу подступила невыносимая тошнота. Обычно он справлялся с собой, но сейчас, наевшись почти досыта, не сумел сдержать реакцию.

«Неужели этот старик пришёл сюда сразу после казни? Мог бы хоть одежду сменить»

Помучившись немного, Цюй Дубянь уткнулся лицом в плечо Е Сяююаня, жадно вдыхая чистый

запах мыльного корня, исходивший от его одежды. Только тогда ему стало чуть легче. Е Сяюань, не переставая, гладил его по спине, на его лице застыла тревога.

Евнух Юй взглянул на застывшего в замешательстве императора и почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Только что ведь всё было хорошо, что же случилось? — пробормотал Юй.

Цюй Дубянь замер, притихший и поникший. Всё ещё не отрываясь от плеча слуги, он брезгливо прикрыл нос рукой и глухо прошептал:

— Пахнет... кровью.

Кровью?

Император Чунчжао мгновенно всё понял. Он резко поднялся.

— Я сейчас вернусь.

Он стремительно вышел из покоев и, оказавшись на крыльце, поднял рукав к лицу, принюхиваясь.

Следовавший за ним евнух Юй негромко проговорил:

— Должно быть, Ваше Величество случайно задела что-то в боковом павильоне, а Маленький принц почувал запах.

— Я ничего не чувствую, — хмуро отозвался император Чунчжао. — Неужели у него нюх острее, чем у гончего пса?

Евнух Юй благоразумно промолчал.

Император тряхнул рукавами:

— Я отправляюсь в Западный тёплый павильон. Перенеси все доклады туда, нечего мне здесь его... смущать. И пошли к нему лекаря — пусть осмотрит. Мальчик и так болен, не хватало ещё, чтобы его от этого запаха совсем лихорадка скрутила.

Он помедлил и добавил:

— И позови ко Мне левого заместителя министра ритуалов и князя Мина. У Меня есть к ним дело.

То, что сын ночью не мог без него уснуть, а днём выказывал такую холодность, вызывало у императора странную, необъяснимую горечь. Не зная, на ком выместить это глухое раздражение, он решил как следует «потрясти» своих подданных.

Евнух Юй понял: пришло время обсуждать возведение покойной наложницы Юнь в ранг императрицы. И, скорее всего, государь будет не советоваться, а просто ставить всех перед фактом.

В покоях Цюй Дубянь вцепился в любимую курильницу императора, жадно вдыхая аромат благовоний, пока тошнота окончательно не отступила.

В этом мире, где кровь лилась куда чаще, чем в его прошлом, такая чувствительность могла стать проклятием.

«Если бы только у Симулятора был режим потери обоняния... Тогда бы я мог спокойно уплетать лапшу, даже сидя посреди кровавого моря!»

Е Сяююань коснулся его лба.

— Почему мне кажется, что жар снова усиливается?

Это было вполне ожидаемо — действие Симулятора болезней должно было продлиться до завтрашнего полудня.

Цюй Дубянь сжал руку слуги:

— Помоги мне встать.

— Ваше Высочество?

Лицо принца было мертвенно-бледным, но взгляд горел решимостью.

— Я должен заниматься тайцзи!

Пятнадцатидневный цикл тренировок нельзя было прерывать ни в коем случае.

Е Сяюань замер в недоумении.

«Проклятый Вэнь Сяочунь! Чему он только научил Его Высочество, что тот даже в лихорадке рвётся делать эти странные упражнения?!»

Большая кухня

Гвардейцы императорской стражи проводили проверку запасов масла, сверяя фактическое наличие с записями в реестрах.

Вэнь Сяочунь, стоя в стороне, потёр внезапно зачесавшийся кончик носа. Он покорно ждал, пока стража закончит обыск.

— Ты тоже с этой кухни? — спросил один из гвардейцев. — Твоего имени нет в списках.

— Я служу Седьмому принцу, — смиренно поклонился Вэнь Сяочунь. — Поскольку Его Высочество раньше обделяли едой, меня приставили сюда надзирать за порядком. Денег я не получаю, числюсь лишь формально, потому и в списках меня нет.

— Человек Седьмого принца?

Стоявший рядом распорядитель подтвердил:

— Верно, я сам его принимал. Поставил присматривать за складом масла.

За складом масла...

Начальник стражи У нахмурился:

— Какой именно склад за тобой закреплён? — спросил он Сяочуня.

Тот замялся, пряча глаза.

— Я... я ведь только формально здесь. Своего склада у меня нет, я лишь изредка помогаю другим управляющим.

— Почему же тогда ты отводишь взгляд? — Начальник стражи У шагнул ближе. — Явно что-то скрываешь. Говори немедленно!

Вэнь Сяочунь побледнел как полотно:

— Я... я ведь не местный, я человек Его Высочества. Разве смею я, ничтожный раб, выдавать чужие тайны?

В этот миг распорядитель кухни всё понял. Его лицо мгновенно налилось багровым цветом:

— Ты что это плетёшь?!

Начальник стражи У отрезал:

— Ты не принадлежишь к этой кухне, и это дело касается Седьмого принца. Если хочешь помочь своему господину — говори сейчас, и тебя никто не тронет.

Вэнь Сяочунь заколебался, словно ведя внутреннюю борьбу, но затем заговорил быстро, вполголоса:

— Господа гвардейцы, если вы ищете масло, сверяя только реестры, вы ничего не найдёте.

Он придвинулся к самому уху начальника стражи У и прошептал:

— Управляющие понемногу припрятывают масло для себя — это давний обычай. Когда я только пришёл, мне тоже предложили долю, чтобы я молчал. Я взял, но пользоваться не посмел — всё спрятал в пустом складе в дальнем конце двора. Там всё до капли, ни одного чана не пропало. Можете сами проверить. В такое время... разве это не будет считаться вашей заслугой, господин начальник?

В глазах начальника стражи У вспыхнул азарт.

Вэнь Сяочунь был прав. Мелкое воровство на кухне обычно никого не волновало, на это смотрели сквозь пальцы. Но сейчас, когда во дворце ищут поджигателей, поимка расхитителей казны станет отличным докладом. Даже если связи с пожаром не найдут, рвение будет оценено по достоинству. А это — верный путь к повышению.

Он похлопал Вэнь Сяочуня по плечу:

— Жди здесь.

Люди начальника стражи У быстро нашли указанный склад. Пересчитав чаны, они убедились, что Вэнь Сяочунь сказал чистую правду — всё было в целости.

Подозрения в отношении евнуха исчезли, и теперь гвардейцы вперились хищными взглядами в распорядителей Большой кухни.

Вэнь Сяочунь равнодушно скользнул взглядом по происходящему.

Ещё ночью он перетащил часть масла в тайник. Те распорядители, у которых сейчас обнаружится недостача, были именно теми, кто больше всех помыкал слугами из дворца Цзюйань.

Начальников стражи, имеющих доступ к проверкам, было не так много. Этот начальник стражи У давно мечтал о повышении и не упустил бы шанса выслужиться. Сяочунь обсудил это с Е Сяюанем и пришёл к выводу, что риск выдать управляющих минимален.

Так он и себя обезопасил, и в очередной раз отомстил за обиды своего Маленького принца.

Начальник стражи У снова хлопнул его по плечу:

— Ты молодец, я запомню твою службу. Обещаю, — он многозначительно прищурился, — я сделаю так, чтобы тебе жилось во дворце полегче.

— Ничтожный раб лишь мечтает служить своему принцу, — поклонился Вэнь Сяочунь. — Мне не нужны награды. А на кухне я лишь числился — теперь, пожалуй, пора и честь знать.

— И то верно. Служба при принце куда перспективнее.

Гвардейцы под конвоем повели незадачливых распорядителей на допрос.

Вэнь Сяочунь едва заметно улыбнулся.

Смеркалось.

Левый заместитель министра ритуалов и несколько князей императорского рода покидали Западный тёплый павильон с крайне сложным выражением на лицах.

В зале остался только князь Мин.

Это был мужчина лет двадцати восьми, наделённый броской, почти порочной красотой. Один его глаз был слеп от рождения и всегда прикрыт повязкой вызывающе яркого цвета.

Как только последние посетители скрылись за дверью, напускная серьезность князя Мина мгновенно улетучилась. Он по-хозяйски развалился в кресле, закинув ногу на ногу.

— Брат-император, слышал, ты перевёз моего маленького племянника в Цзычэнь? Можно мне на него взглянуть?

Император Чунчжао отхлебнул остывший чай, смачивая горло:

— Сядь прямо. Тебе скоро тридцать, а ты всё как мальчишка. Пора бы уже и семьей обзавестись.

Князь Мин коснулся своей повязки и усмехнулся:

— Моё увечье может передаваться детям. Если по моей вине ребёнок родится таким и будет всю жизнь терпеть косые взгляды... зачем ему приходится в этот мир? Жизнь и так полна страданий, лучше уж я буду любоваться красотами подземного царства в одиночестве.

Евнух Юй даже бровью не повёл на эти речи.

— Твои слова звучат как упрёк в Мой адрес, — заметил император Чунчжао.

Князь Мин лукаво улыбнулся:

— Я лишь хотел сказать, что раз уж ты так печёшься о моём племяннике, то будь к нему поласковее. А то вырастет и знать тебя не захочет.

— В императорской семье мы сначала государь и подданный, а уж потом отец и сын. О какой близости может идти речь? — Император Чунчжао на мгновение замолчал, а потом ворчливо добавил: — К тому же, у тебя нет детей, и ты не знаешь, какими невыносимыми они бывают. Хуже старых предков — за ними глаз да глаз нужен.

Князь Мин уловил в его ворчании нечто особенное и весело подмигнул:

— Сначала отец служит сыну, потом сын — отцу. В этом нет ничего постыдного.

Император Чунчжао запустил в него кистью для письма, лежавшей под рукой:

— Чай не заткнул твой болтливый рот!

Князь Мин привычно уклонился.

Император оставил брата на ужин. Поскольку князь из-за своего увечья не мог претендовать на трон, братья, рождённые одной матерью, с детства были очень близки.

Когда трапеза закончилась и беседа подошла к концу, на улице уже совсем стемнело.

Вошёл слуга с докладом:

— Ваше Величество, евнух Е передаёт, что Маленький принц капризничает, не хочет спать.

— Жар спал? — быстро спросил император Чунчжао.

— Нет, температура то поднимается, то падает. Днём Его Высочество чувствовал себя неплохо, но после ужина поиграл немного и снова стал вялым.

Князь Мин понимающе улыбнулся:

— Иди, брат, Я всё равно уже уйду. Мне ещё к завтрашнему совету готовиться нужно. Как-нибудь в другой раз навещу племянника.

Император Чунчжао кивнул.

Сделав пару шагов, он остановился, снова понюхал свой рукав и в нерешительности пробормотал:

— Нет, велите готовить воду. Я должен принять ванну.

Он обернулся к князю Мину:

— Ты не представляешь... Этот ребёнок совсем не похож ни на меня, ни на мать. Такой хрупкий, маленький... Сегодня я припугнул Чжан Фаньмина, так он почувствовал на мне малейший запах крови и его сразу начало тошнить. К тому же он требует, чтобы Я спал рядом, иначе всю ночь напролёт будет колобродить.

Князь Мин промолчал.

Император Чунчжао торопливо ушёл, явно страдаемый беспокойством. Князь Мин задумчиво потёр подбородок.

«Кто ближе к огню, тот первым и согреется»

Будь он на месте младшего племянника, он бы ни за что не упустил такой шанс. Использовал бы все средства, чтобы растопить сердце императора, заставив его заботиться о себе. Только так можно выжить в этом «Городе тигров» — императорской столице.

Но, к сожалению, его племяннику всего два года. Откуда ему знать о тонкостях придворных интриг и борьбе за любовь отца?

Приняв ванну и сменив одежду, император Чунчжао вошёл в спальню дворца Цзычэнь.

Его младший сын, оккупировавший императорское ложе на весь день, сейчас увлечённо возился на кане, запуская юлу из зизифуса — две спелые ягоды, насаженные на концы тонкой бамбуковой щепы.

В это время года такие крупные и сочные плоды были большой редкостью.

Император Чунчжао бесшумно опустился на другой край кана. От неожиданного появления отца Дубянь вздрогнул, и едва сбалансированная юла тут же сорвалась со столика.

Мальчик замер.

Он перевёл на императора полный немого укора взгляд.

Император Чунчжао почувствовал себя неловко.

Детей у него было немало, но ни за кем из них он не ухаживал лично. Обычно он лишь навещал их в гареме, а когда те подрастали — начинал проверять их успехи в учёбе. Так было со всеми, начиная с Первого принца.

Но с этим ребёнком всё было иначе.

Во-первых, он был совсем крохой. Во-вторых, это был их с Юэцин сын. Раз нашёлся другой способ снять проклятие и отсылать его в загородный дворец не нужно, им придётся как-то уживаться. И наконец, мать мальчика была мертва, а в гареме пока не нашлось наложницы, которой император мог бы доверить воспитание принца. Приходилось справляться самому.

Но два года разлуки не прошли даром. Вина в сердце императора была сильнее любви. Он помнил, как Дубянь отказался от его объятий в ту ночь, и теперь, видя его сдержанность и слыша это официальное «Ваше Величество» вместо «отец»...

Император Чунчжао хотел наладить отношения, но, не имея опыта общения с детьми, просто не знал, с чего начать.

Он кашлянул и обратился к Е Сяюаню:

— Мне сказали, он капризничает и не ложится?

— Только что капризничал, Ваше Величество, — поклонился слуга. — Но как только взялся за юлу — сразу притих.

Цюй Дубянь затеял всё это лишь для того, чтобы выманить «папашу» и лишний раз напомнить о себе — только так он мог обеспечить себе спокойную жизнь во дворце.

Но евнух Бао принёс ему эту старинную забаву, и он, увлекшись игрой, совсем забыл про свою роль.

— Это простая игрушка, — император Чунчжао подобрал щепу и ловко установил её на острую косточку зизифуса, поймав равновесие. — Смотри. Немного практики, и у тебя тоже получится.

Цюй Дубянь протянул руку и не просто снял щепу, но и выдернул из неё обе ягоды, а саму палочку отбросил в сторону.

С того момента, как император вошёл, мальчик не только не назвал его отцом, но даже не поклонился и не сдвинулся с места. А теперь он просто разобрал игрушку, которую император Чунчжао для него починил.

Это было вопиющее неуважение.

Ни один принц или принцесса во всём дворце не осмелились бы на такое.

Лишь Маленький принц, не знавший ни этикета, ни правил общения с государем, мог вести себя так естественно и дерзко.

Евнух Юй не думал, что император рассердится, но неприятный осадок у того наверняка остался.

«На Большой кухне он так охотно лез к нему обниматься, что же сейчас-то так упрямится?» — сокрушался Юй.

Он взглянул на государя — лицо того оставалось бесстрастным, но уголки губ едва заметно

опустились.

Цюй Дубянь поднял голову и посмотрел на императора Чунчжао:

— Не надо ломать. Раньше я подбирал на земле гнилые ягоды, они были очень сладкими. А эти — целые, они наверняка ещё вкуснее.

Он крепко сжимал в ладошках два плода зизифуса. На его лице отразилась мучительная внутренняя борьба. С явной неохотой и глубоким вздохом он отделил одну ягоду и протянул её императору.

— Мне? — император Чунчжао опешил.

Мальчик отвернулся и тихо фыркнул:

— Это тебе спасибо... за то, что не прогнал меня. Наверное, ты всё-таки хороший человек.

Император Чунчжао, получивший «метку хорошего человека», замер в смешанных чувствах. Он долго смотрел на ягоду в своей ладони, а затем тихо произнёс:

— Тебе не нужно быть со Мной таким официальным. Я твой отец.

Цюй Дубянь покачал головой:

— Отец — это папа. Папа обнимает, а Ваше Величество — нет.

Император Чунчжао всё понял. Мальчишка просто затаил обиду.

Дубянь тем временем развернулся и прыгнул в объятия Е Сяюаня. Вторую ягоду он незаметно вложил в руку слуги и шепнул:

— Спутник Е, эта тебе.

Затем он украдкой покосился на императора Чунчжао. В этом быстром взгляде была вся детская непосредственность — он делал вид, что ему всё равно, но на самом деле внимательно следил за реакцией отца.

Увидев это, император Чунчжао молча сжал пальцы, пряча свой подарок.

Маленький принц, словно удовлетворившись этим, окончательно отвернулся.

Евнух Юй наблюдал за этой сценой с нескрываемым восхищением. Его недавнее сокрушение испарилось, уступив место изумлению: Его Высочество ест императорское, живёт в императорском, да ещё и умудряется выторговать благосклонность государя, используя его же собственный зизифус!

«Если кто-нибудь ещё раз посмеет сказать, что Маленький принц не сообразителен — я, Юй Дэцай, первым плюну тому в лицо!»

<http://bllate.org/book/16117/1586931>